

УДК 911.3+314.7 (571.1/.5)

Н. В. Воробьев

***Миграционная динамика сельского населения
сибирского макрорегиона***

ФГБУН «Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН»,
г. Иркутск, Российская Федерация
e-mail: nikvlv54@gmail.com

Аннотация. Проводится сравнительно-географический анализ и оценка миграционной динамики сельского населения в сибирских регионах в 2011–2020 гг. Определены характер динамики процессов и ключевые миграционные проблемы для макрорегиона и его отдельных регионов. Главная проблема — миграционный отток населения села сократился втрое за десятилетие, но остается основным источником динамики населения. Дается систематизированное представление о сельской миграции для разработки региональной политики.

Ключевые слова: сельская миграция, динамика населения, постсоветский период, регион, Сибирь.

Введение

Проблематика демографической и миграционной динамики регионов России достаточно представлена в научной литературе [1–3]. Современные научные разработки проблем сельской миграции не столь представительны. На пути изучения сельской миграции возникает ряд проблем, в том числе информационной обеспеченности детальных разработок. По мере изучения выявляются различные векторы, градиенты, контрасты миграционных процессов. Исследования миграции позволяют утверждать, что «пригородные/периферийные различия миграционного баланса сельских территорий выражены сильнее, чем пространственно-географические (зональные)» [4, с. 39]. Миграционная проблематика весьма ограничено представлена в комплексных географических работах XXI века по Сибири [5].

Ранее нами выявлялся ряд географически выраженных постсоветских тенденций миграции: «снижение объема постоянной миграции при росте временной (учитываемой по месту пребывания); центростремительный внутрирегиональный вектор движения мигрантов; отрицательный, «западный» межрегиональный вектор движения мигрантов; положительный вектор межгосударственного движения мигрантов; миграционное обезлюдение периферийных территорий; замедление экстенсивной урбанизации из-за исчерпания демографических ресурсов села и роста цен на городское жилье; усиление субурбанизации в зонах влияния крупнейших городов; стягивание населения в городские агломерации Транссибирского экономического коридора» [6, с. 177]. Определены ключевые показатели для каждого региона: сальдо миграции, подвижность населения, соотношение внутренних и внешних миграций, внутривосприимчивых и межгосударственных миграций, роль регионального центра в миграционном движении населения [7].

Цель исследования заключается в выявлении социально-географических особенностей постсоветской динамики миграции сельского населения Сибири.

Задачи, решаемые для достижения цели:

- рассмотреть тенденции динамики сельской миграции,
- охарактеризовать миграционные процессы по регионам,
- представить роль миграции в динамике сельского населения.

Материалы и методы

Объектами изучения являются территории сибирского макрорегиона в историко-культурных границах Сибири, включая 16 регионов-субъектов Российской Федерации: 10 регионов, составляющих Сибирский федеральный округ; входящие в Уральский федеральный округ Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра (ХМАО) и Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО); входящие в Дальневосточный федеральный округ Республика Саха (Якутия), Республика Бурятия, Забайкальский край. Предметом исследования является миграция сельского населения Сибири, которое составляет 17% сельского населения России, а сама территория Сибири занимает 57% площади России.

Используются данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата), в том числе статистические сборники и бюллетени за ряд лет [8–10]. Исследуемый период — 2010–2020 гг., при этом особое внимание уделяется периоду 2016–2019 гг., в которые действовали основные стабильные факторы и тенденции миграции (до 2011 г. статистический учет миграции отличался от современного, в 2014–2015 гг. был приток беженцев с Украины, в 2020 г. сказывалось влияние пандемии COVID-19). Цель настоящего исследования — анализ и систематизация тенденций и проблем миграции сельского населения в регионах Сибири. В содержательном смысле миграционные проблемы — систематически воспроизводящиеся диспропорции (в составе населения, рабочих местах, жилье и т. д.) между миграцией и соответствующей стороной развития территориальных систем.

Важнейшими для социально-географического изучения являются тенденции изменения заселенности территории, территориальной дифференциации миграционных процессов, взаимосвязи населения и территории. Так, сеть населенных пунктов сократилась за счет как городских, так и сельских населенных пунктов. Особенно сильно (на 1/3) уменьшилось количество поселков городского типа. «Административный перевод 2,4 млн чел. из городских жителей в сельские привел к тому, что реальная ситуация была искажена статистикой. Во многих регионах России общая картина динамики сельского населения между переписями 1989 и 2010 гг. оказалась неверной: вместо реального уменьшения сельского населения статистика показала его рост» [11, с. 32].

Методология исследования построена на приложении географического подхода к массовому статистическому материалу, характеризующему миграцию населения. Автор руководствовался системным подходом, опирались на анализ литературных и статистических материалов, демографические, статистические, сравнительно-географический и картографический методы, количественную оценку потенциала территории. Проводился анализ хода миграционных процессов, при этом в центре внимания стоит территориальная дифференциация и интеграция процессов территориального движения населения.

Результаты и обсуждение

В динамике численности населения произошло несколько переломов, разделяющих относительно стабильные периоды. Если в конце советского периода развития (1970–1991 гг.) численность населения Сибири увеличилась на 4 млн чел., то на протяжении постсоветского периода 1992–2007 гг. она сократилась на 1,8 млн человек. Последующий этап 2007–2011 гг. характеризовался стабилизацией численности, а этап 2012–2015 гг. — увеличением численности на 0,3 млн чел., обусловленной естественным приростом населения, далее начинается новый этап сокращения населения. В современных условиях происходит убыль сельского населения в целом за счет суженого воспроизводства населения и миграционного оттока, при положительном влиянии муниципально-территориальных преобразований в нескольких регионах (см. табл. 1)

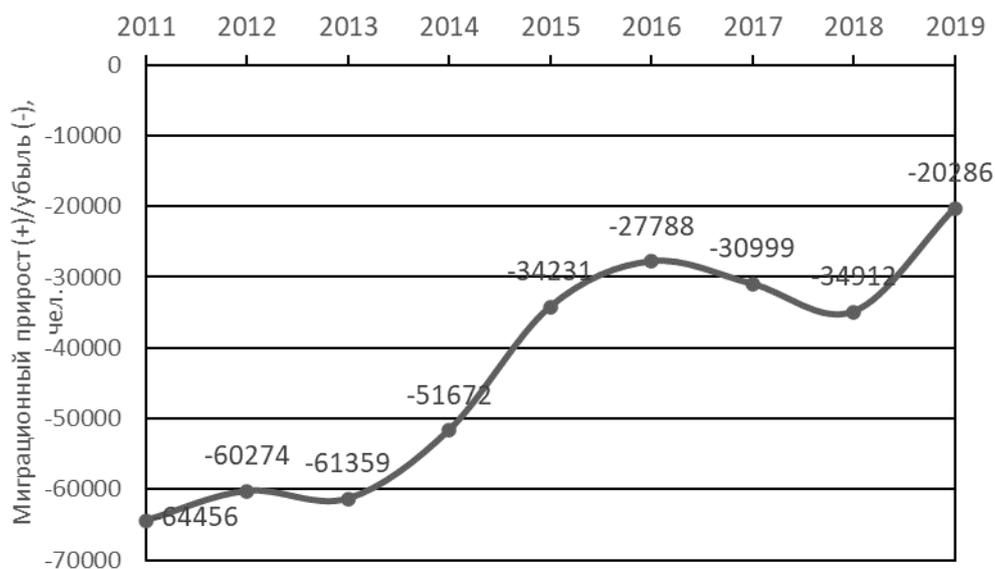
Таблица 1
Прирост сельского населения сибирских субъектов РФ в 2016–2020 гг. (чел.)

Регион	общий прирост	в том числе:		
		естественный прирост	миграционный прирост	МТП*)
ХМАО-Югра	-1 051	2 590	-3 641	0
ЯНАО	164	4 065	-3 901	0
Тюменская область без ао	-4 985	-3 100	-1 885	0
Республика Алтай	3 417	3 560	-143	0
Республика Тыва	5 137	7 454	-2 317	0
Республика Хакасия	-6 209	-1 131	-5 078	0
Алтайский край	-43851	-21 556	-22 295	0
Красноярский край	-16 457	-8 490	-11 658	3 691
Иркутская область	16 730	3 141	-840	14 429
Кемеровская область	-16 068	-7 316	-8 752	0
Новосибирская область	-5 554	-8 101	2 547	0
Омская область	-24 873	-5 505	-19 368	0
Томская область	-1 691	-1 553	-138	0
Республика Бурятия	-970	4 632	-5 602	0
Республика Саха (Якутия)	-2 649	9 831	-12 480	0
Забайкальский край	-12 449	140	-18 434	5 845
Сибирь	-111 359	-21 339	-113 985	23 965

*МТП — муниципально-территориальные преобразования.

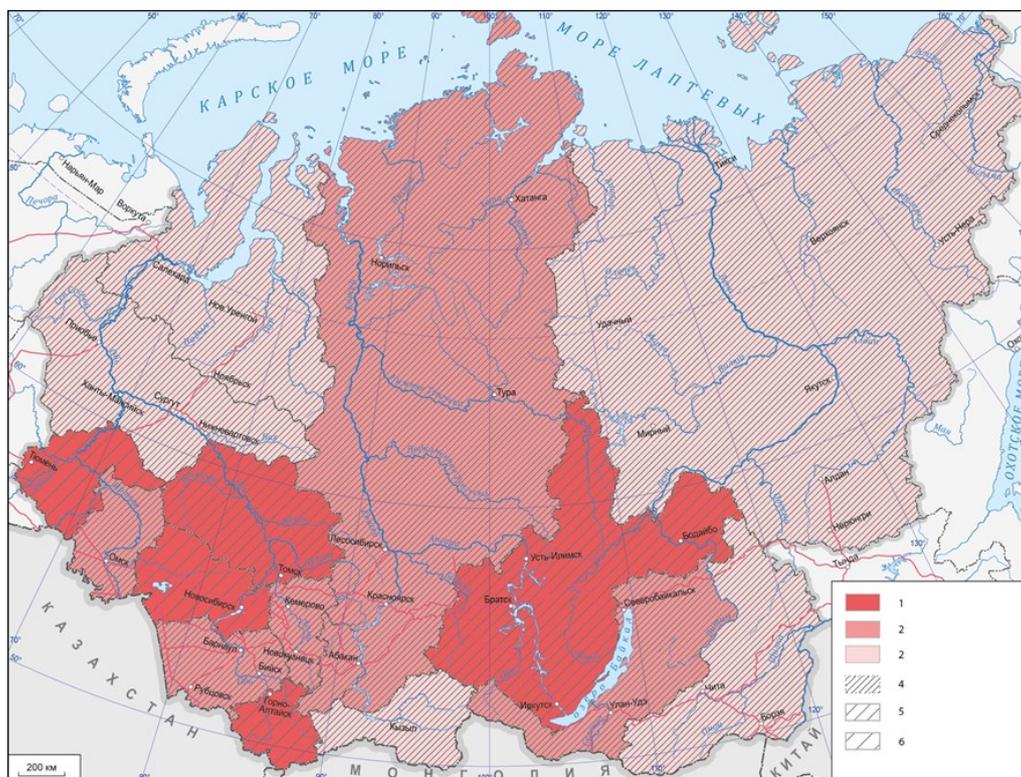
Составлено автором по [9].

Миграционная убыль сельского населения Сибири в 2011–2020 гг. существенно (в три раза) затормаживается (рис. 1). Четко выделяются периоды относительного постоянства тенденций показателя отрицательного сальдо миграции: 2011–2013 гг. — уровень оттока населения превышает 60 тыс. чел.; 2014–2015 гг. — уровень оттока снижается почти вдвое; 2016–2019 гг. — уровень оттока населения колеблется от 35 до 20 тыс. чел.

Рис. 1. Динамика миграционной убыли сельского населения Сибири (2011–2020).
Составлено согласно расчетам автора по данным [9].

Статистико-географический обзор миграционных процессов, построенный по регионам, показывает текущее состояние, тенденции и проблемы миграции сельского населения Сибири (рис. 2).

Рис. 2. Миграционная убыль сельского населения регионов Сибири (2010–2020).
Величина миграционной убыли (% в год): 1 — -5...0; 2 — -10...-5; 3 — <-10.
Постоянство миграционной убыли: 4 — всегда; 5 — почти всегда; 6 — преобладает.
Составлено согласно расчетам автора по данным [9].

ХМАО–Югра (в 2020 г. сельское население — 125,4 тыс. чел. или 7,5% всего населения региона) имеет сальдо миграции (-3,6 тыс. чел.) за 2016–2019 гг. Отток сельского населения постоянен, он превышает 10‰ в год. Миграционная подвижность населения вдвое превышает среднесибирский уровень. Экономическое благополучие нефтяной отрасли предопределяет миграционную ситуацию в ХМАО. Из-за высокого спроса на рабочую силу в нефтедобыче и смежных отраслях — ХМАО имеет большой миграционный оборот населения.

ЯНАО (87,4 тыс. чел. или 23,0%) — сальдо миграции — (-3,9 тыс. чел.), отток сельского населения постоянен (-12,1 ‰) в год. Укорененность населения ЯНАО ниже, чем в других сибирских регионах, поскольку население округа сформировано за счет поколений недавних мигрантов и их потомков, зарабатывающих на газодобыче. Миграционная подвижность населения вдвое превышает среднесибирский уровень.

В *Тюменской области без автономных округов* (500 тыс. чел. или 32,5% в 2020 г.) — сальдо сельской миграции составляет (-1,9 тыс. чел.). Отток сельского населения был 7 из последних 10 лет и постепенно сокращается. Внутриобластные миграции ориентированы на областной центр — Тюмень — лидер среди сибирских городов по абсолютному и относительному миграционному приросту населения. Одним из основных источников миграционного роста населения Тюмени являются переселенцы из своей сельской местности.

Омская область (521,8 тыс. чел. или 27,1%) — один из сибирских лидеров по абсолютной миграционной убыли сельского населения (-19,4 тыс. чел.). Характерны внутренние миграции и низкая подвижность населения. Вследствие моноцентричности области половина внутренних мигрантов направляется в Омск. Главные детерминанты миграционных потерь — низкая заработная плата и неполноценная инфраструктура.

Новосибирская область (581,8 тыс. чел. или 20,8%) — регион с незначительным миграционным приростом сельского населения в последние годы. Сальдо миграции в 2016–19 гг. — (2,5 тыс. чел.), а в 2011–2014 было (-13,3 тыс. чел.). Наибольшая убыль населения происходит в удаленных муниципальных районах. Основной полюс притяжения людей — Новосибирская городская агломерация.

Томская область (297,8 тыс. чел. или 27,6%) — один из сибирских регионов с минимальной миграционной убылью сельского населения (-0,1 тыс. чел.) Внутриобластная миграция составляет менее 50% всего миграционного оборота населения.

Кемеровская область–Кузбасс (370,6 тыс. чел. или 13,9%) — сальдо сельской миграции составляет (-8,8 тыс. чел.). Внутрирегиональные миграции преобладают над внешними. Внутри области миграционный прирост сложился в Кемеровском и Новокузнецком городских округах и соответствующих районах.

Алтайский край (997,6 тыс. чел. или 43,0%) — абсолютный лидер как по численности сельского населения, так и по его миграционной убыли — (-22,3 тыс. чел.) за 2016–2019 гг. Сельская местность края остается донором мигрантов для соседних урбанизированных регионов, краевого центра Барнаула и его пригородов.

Республика Алтай (155,7 тыс. чел. или 70,7%) имеет почти нулевое сальдо (-0,1 тыс. чел.) сельской миграции, при этом население возрастает за счет естественного прироста (на 0,5‰ в год). Миграционная нейтральность

республики объясняется низким качеством жизни, компенсируемым свойствами уникальной природы и хорошей экологической обстановкой.

Красноярский край (664,0 тыс. чел. или 23,2%) имеет отрицательное сальдо сельской миграции (-11,7 тыс. чел.). Относительные миграционные показатели сложились на среднесибирском уровне. Межрегиональный обмен сельским населением приводит край к потерям, не компенсируемым межгосударственными миграциями. Миграционный прирост города Красноярска затормаживается.

Республика Хакасия (161,2 тыс. чел. или 30,2%) имеет миграционный отток (-5,1 тыс. чел.). Половину миграционного оборота составляют внутрорегиональные связи, которые обеспечивают прирост населения Абакана. Наиболее тесные связи у республики с Красноярским краем, на который приходится более половины межрегиональной миграции.

Республика Тыва (149,6 тыс. чел. или 45,7%) — сальдо сельской миграции (-2,3 тыс. чел.). Продолжается миграционный отток сельских жителей титульной национальности в столицу республики — Кызыл. Миграция русских, в отличие от тувинцев, направлена за пределы республики [12].

Иркутская область (524,3 тыс. чел. или 21,9%) имеет незначительное отрицательное сальдо сельской миграции (-0,8 тыс. чел.). Отсутствие других полюсов роста приводит к тому, что большинство сельских и городских мигрантов переселялось в областной центр — Иркутск и сопредельные с ним населенные пункты Иркутского и Шелеховского районов.

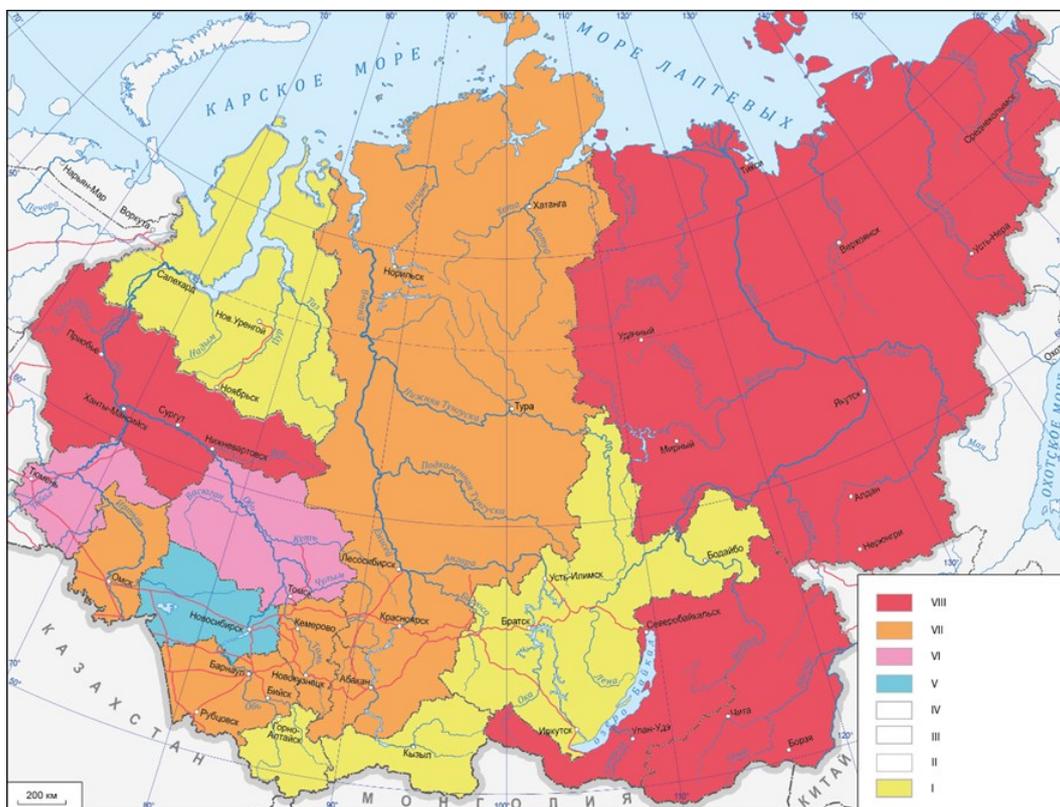
В *Республике Бурятия* (402,0 тыс. чел. или 40,8%) сальдо сельской миграции составляет (-5,6 тыс. чел.). С 1990 г. практически во всех муниципальных образованиях республики наблюдалось отрицательное сальдо миграции, кроме пригородного Иволгинского и горнодобывающего Окинского районов. Город Улан-Удэ растет за счет сельских жителей и концентрирует уже 46% населения Бурятии. Улан-Удэнскую пригородную зону сформировали выходцы из сельской Бурятии.

Забайкальский край (337,2 тыс. чел. или 31,9%) имеет отрицательное сальдо сельской миграции (-18,4 тыс. чел.), что делает регион сибирским лидером по интенсивности оттока (-14,7‰) сельского населения. Внутри края только Чита способна привлекать людей, которых из Забайкалья выталкивают проблемы продуктивной занятости населения, уровня зарплат, качества жизни в целом. «В отношении внутрорегиональных перемещений существует стойкий тренд в истощении ресурсов сельской местности — наблюдается постепенное измельчение сельских населенных пунктов» [13, с. 312].

В *Республике Саха (Якутия)* (329,3 тыс. чел. или 33,9%) сальдо миграции составляет -12,5 тыс. чел. Миграция населения в основном замкнута внутри республики. Миграционная активность высокая в центрах горнодобывающей промышленности и низкая у коренных малочисленных народов Севера. Из промышленных районов миграционные потоки направлены преимущественно за пределы республики, а центр Якутии и сельские районы имеют устойчивые миграционные связи в пределах республики [14].

Соотношение компонентов динамики сельского населения отображается в виде типов динамики населения, где все возможные соотношения естественного и миграционного компонентов изменения численности населения выражены в виде I–VIII типов динамики населения. Реальная карта типов динамики 2016–2020 гг. состоит из 5 типов, а II, III и IV типы с миграционным притоком населения не

встречаются на региональном уровне (рис. 3). V тип (убыль населения: естественная убыль превышает миграционный приток) есть только в Новосибирской области. Данная типология хорошо отображает доминирование миграционного оттока населения как основного фактора современной динамики населения сибирских регионов.

Рис. 3. Типы динамики сельского населения регионов Сибири (2016–2020).
Типы динамики населения (составлено согласно расчетам автора по данным [9]):
VIII. Убыль населения: миграционный отток превышает естественный прирост,
VII. Убыль населения: миграционный отток превышает естественную убыль,
VI. Убыль населения: естественная убыль превышает миграционный отток,
V. Убыль населения: естественная убыль превышает миграционный приток,
IV. Рост населения: миграционный приток превышает естественную убыль,
III. Рост населения: миграционный приток превышает естественный прирост,
II. Рост населения: естественный прирост превышает миграционный приток,
I. Рост населения: естественный прирост превышает миграционный отток.

Выводы

Проведенное исследование позволило выявить социально-географические особенности постсоветской динамики сельской миграции сибирского макрорегиона:

В современных условиях происходит убыль сельского населения в целом за счет суженого воспроизводства населения и миграционного оттока, при положительном влиянии муниципально-территориальных преобразований в

нескольких регионах. Во втором десятилетии XXI в. абсолютная величина миграционного оттока снизилась втрое.

Статистико-географический обзор миграционных процессов, построенный по регионам, показывает текущее состояние, тенденции и проблемы миграции сельского населения Сибири. Миграционная убыль (в среднем — 6,3‰ в год) сельского населения регионов Сибири колеблется в диапазоне (-2,1 — (-14,7 ‰) в год.

Типология динамики населения хорошо отображает доминирование миграционного оттока населения как основного фактора современных изменений численности сельского населения сибирских регионов. Из четырех теоретически возможных типов динамики с миграционным притоком населения встречается только один в расчете на шестнадцать сибирских регионов.

Полученное представление о динамике сельской миграции можно использовать для разработки региональной политики.

Исследование выполнено за счет средств государственного задания (№ госрегистрации темы: АААА-А21-121012190019-9).

Литература

1. Рыбаковский О. Л., Таюнова О. А. Демографическая динамика регионов России и ее компоненты в 1959–2017 гг. // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 1. С. 4–20.
2. Красинец Е. С., Рязанцев С. В., Шевцова Т. В. Миграционные процессы: состояние, тенденции и проблемы государственного регулирования // Народонаселение современной России: воспроизводство и развитие. М.: Экон-Информ, 2015. С. 13–31.
3. Соболева С. В., Смирнова Н. Е., Чудаева О. В. Демографическая безопасность регионов Сибирского федерального округа: оценка рисков // Вестн. Новосиб. гос. ун-та экономики и управления. 2016. № 1. С. 10–21.
4. Мкртчян Н. В. Миграция в сельской местности России: территориальные различия // Население и экономика 2019. Том. 3. № 1. С. 39–51. <https://doi.org/10.3897/ropesop.3.e34780>
5. География Сибири в начале XXI века: в 6 т. / Гл. ред. В. М. Плюснин. Новосибирск: Акад. изд-во «Гео», 2014. Т. 3. Хозяйство и население / Отв. ред. Н. М. Сысоева, С. В. Рященко. 251 с.
6. Воробьев Н. В. Миграция населения Сибири: постсоветские тенденции // География и природ. ресурсы. 2019. № 5. С. 172–177. DOI: 10.21782/GIPR0206-1619-2019-5(172-177)
7. Воробьев Н. В. Миграционные тенденции и проблемы регионов Сибири // География и природ. ресурсы. 2020. № 5. С. 178–184. DOI: 10.21782/GIPR0206-1619-2020-5(178-184)
8. Демографический ежегодник России. 2010–2019: Стат. сб. / Росстат [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения 01.06.2021).
9. Численность и миграция населения Российской Федерации. 2011–2019: Стат. бюлл. / Федеральная служба государственной статистики [Электронный

- ресурс]. Режим доступа: <https://gks.ru/folder/11110/document/13283> (дата обращения 01.06.2010).
10. Регионы России. 2010–2019: Стат. сб. / Росстат [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 01.06.2021).
  11. Чучкалов А. С., Алексеев А. И. «Новые» сельские населенные пункты — бывшие поселки городского типа // Известия РАН. Серия географическая. 2019. № 6. С. 18–34.
  12. Балакина Г. Ф., Анайбан З. В. Особенности этнорегиональной миграции в Туве // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 85–92.
  13. Шворина К. В. Миграционная подвижность населения Забайкальского края как показатель развития территории // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 4(14). Вып. 4. 2018. С. 310–318.
  14. Сукнёва С. А. Тенденции миграционной динамики в Республике Саха (Якутия) // Вестн. СВФУ. Сер. Экономика. Социология. Культурология. 2017. № 1 (05). С. 31–40.

N. V. Vorobyev | ***Migration dynamics of the rural population of the siberian macroregion***

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk, Russian Federation
e-mail: nikvly54@gmail.com

Abstract. *A comparative geographical analysis and assessment of the migration dynamics of the rural population in the Siberian regions in 2011–2020 is carried out. The purpose of the study is to identify the socio-geographical features of the post-Soviet dynamics of migration of the rural population in Siberia. To achieve the goal, the following tasks are being solved: to consider the trends in the dynamics of rural migration, to characterize migration processes by region, to present the role of migration in the dynamics of the rural population.*

The objects of study are the territories of the Siberian macroregion within the historical and cultural boundaries of Siberia, including 16 regions-constituent entities of the Russian Federation: 10 regions that make up the Siberian Federal District; Tyumen Region, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra (KhMAO) and Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (Yamalo-Nenets Autonomous Okrug) included in the Ural Federal District; the Republic of Sakha (Yakutia), the Republic of Buryatia, the Trans-Baikal Territory which are all included in the Far Eastern Federal District. The subject of the research is the migration of the rural population of Siberia, which makes up 17% of the rural population of Russia, and the territory of Siberia itself occupies 57% of the area of Russia. The data of the Federal State Statistics Service (Rosstat) are used. Particular attention is paid to the period 2016–2019, in which the main stable factors and trends of migration operated (until 2011, the statistics of migration differed from the current one, in 2014–2015 there was an influx of refugees from Ukraine, in 2020 the impact of the COVID-19 pandemic affected the migration enormously).

The research methodology is based on the application of the geographical approach to the mass statistical material characterizing the migration of the population. The author was guided by a systematic approach, based on the analysis of literary and statistical

materials, demographic, statistical, comparative geographical and cartographic methods. A statistical and geographical overview of migration processes, built by region, shows the current state, trends and problems of migration of the rural population of Siberia.

The ratio of the components of the dynamics of the rural population is displayed in the form of types of population dynamics, where all possible ratios of the natural and migration components of the change in the population size are expressed in the form of I–VIII types of population dynamics. Real map types of population dynamics 2016–2020 consists of 5 types, and types II, III and IV with a migratory influx of population are not found at the regional level.

The study made it possible to identify the socio-geographical features of the post-Soviet dynamics of rural migration in the Siberian macroregion. In modern conditions, there is a decline in the rural population as a whole due to the narrowed reproduction of the population and migration outflow, with a positive influence of municipal-territorial transformations in several regions. In the second decade of the XXI century the absolute value of the migration outflow has decreased threefold. The migration loss of the rural population in the regions of Siberia ranges from -2.1 to -14.7% per year. The typology of population dynamics reflects the dominance of the migration outflow of the population as the main factor in changes in the size of the rural population. Of the four theoretically possible types of dynamics with a migration inflow of population, only one occurs per sixteen Siberian regions. The obtained understanding of the dynamics of rural migration can be used to develop regional policy.

Keywords: rural migration, population dynamics, post-Soviet period, region, Siberia.

References

1. Rybakovskiy O. L., Tayunova O. A. Demograficheskaya dinamika regionov Rossii i ee komponenty v 1959–2017. *Narodonaseleniye*. 2019. Vol. 22. no. 1. pp. 4–20. (in Russian)
2. Krasinets E. S., Ryazantsev S. V., Shevtsova T. V. Migratsionnyye protsessy: sostoyaniye, tendentsii i problemy gosudarstvennogo regulirovaniya. *Narodonaseleniye sovremennoy Rossii: vosproizvodstvo i razvitiye*. M.: Ekon- Inform. 2015. pp. 13–31. (in Russian)
3. Soboleva S. V., Smirnova N. E., Chudayeva O. V. Demograficheskaya bezopasnost regionov Sibirskogo federalnogo okruga: otsenka riskov. *Vestn. Novosib. gos. un-ta ekonomiki i upravleniya*. 2016. no. 1. pp. 10–21. (in Russian)
4. Mkrtchyan N. V. Migratsiya v selskoy mestnosti Rossii: territorialnyye razlichiya. *Naseleniye i ekonomika* 2019. Vol. 3. no. 1. pp. 39–51. <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e34780>. (in Russian)
5. *Geografiya Sibiri v nachale XXI veka: v 6 t.* (ed.) V. M. Plyusnin. Novosibirsk: Akad. izd-vo “Geo”. 2014. Vol. 3. Khozyaystvo i naseleniye. 251 p. (in Russian)
6. Vorobyev N. V. Migratsiya naseleniya Sibiri: postsovetskiye tendentsii. *Geografiya i prirod. resursy*. 2019. no. 5. pp. 172–177. DOI: 10.21782/GIPR0206-1619-2019-5(172–177) (in Russian)
7. Vorobyev N. V. Migratsionnyye tendentsii i problemy regionov Sibiri. *Geografiya i prirod. resursy*. 2020. no. 5. pp. 178–184. DOI: 10.21782/GIPR0206-1619-2020-5(178-184) (in Russian)

8. Demograficheskiy ezhegodnik Rossii. 2010–2019: Stat. sb. Rosstat. [Electronic resource]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (reference date: 01.06.2021). (in Russian)
9. Chislennost i migratsiya naseleniya Rossiyskoy Federatsii. 2011–2019: Stat. byull. Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [Electronic resource]. URL: <https://gks.ru/folder/11110/document/13283> (reference date: 01.06.2010). (in Russian)
10. Regiony Rossii. 2010–2019: Stat. sb. Rosstat [Electronic resource]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (reference date: 01.06.2021). (in Russian)
11. Chuchkalov A. S. Alekseyev A. I. “Novyye” selskiye naselennyye punkty — byvshiye poselki gorodskogo tipa. Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya. 2019. no. 6. pp. 18–34. (in Russian)
12. Balakina G. F. Anayban Z. V. Osobennosti etnoregionalnoy migratsii v Tuve. Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2016. no. 10. pp. 85–92. (in Russian)
13. Shvorina K. V. Migratsionnaya podvizhnost naseleniya Zabaykalskogo kraya kak pokazatel razvitiya territorii. Geopolitika i ekogeodinamika regionov. Vol 4 (14). Ussue. 4. 2018. pp. 310–318. (in Russian)
14. Sukneva S. A. Tendentsii migratsionnoy dinamiki v Respublike Sakha (Yakutiya). Vestn. SVFU. Ser. Ekonomika. Sotsiologiya. Kulturologiya. 2017. no. 1 (05). pp. 31–40. (in Russian)

Поступила в редакцию 18.06.2021 г.